

К. Илэм¹
Ch. Ealham

Миф об «обезумевшей толпе»: класс, культура и пространство в революционном городском проекте Барселоны 1936–1937 гг.²

The myth of the «maddened crowd»: class, culture and space in the revolutionary urbanist project in Barcelona, 1936-1937

El mito de la “muchedumbre enloquecida”: clase, cultura y espacio en el proyecto urbanístico revolucionario de Barcelona 1936–1937

Аннотация: В статье исследуются социально-временные, символические, практические и пространственные аспекты революционного урбанизма в Барселоне, а также то, как они были структурированы и модулированы опытом классовой борьбы в прошлом и влияниями народной культуры, верований и идеологии, которые складывались в рабочих кварталах в течении столетия. Хотя основные радикальные организации (анархо-синдикалистская CNT, анархистская FAI и диссидентско-коммунистическая POUM) теоретизировали и артикулировали революционный урбанизм в ходе своей

¹ Илэм Крис – доктор истории, профессор Университета Сент-Луиса (Кампус Мадрид); Chris Ealham – Ph.D in History, Saint Louis University, Madrid Campus; e-mail: chris.ealham@slu.edu.

² Пер. с исп. Е.О. Гранцева.

борьбы за демократизацию социальной жизни, на другом уровне он спонтанно появлялся из культурной политики пролетарских кварталов и был определен серией культурных образцов, которые позволяли рабочему классу выражать себя. Это было выражение «пролетарской Барселоны» как моральной, социальной, географической и эстетической сущности.

Ключевые слова: социальная революция, революционный урбанизм, Барселона, коллективный протест, социальная память, городская среда, созидающее разрушение, культурные практики

Abstract: This article examines the socio-temporal, symbolic, practical and spatial aspects of revolutionary urbanism in Barcelona and the ways in which the revolutionary changes of 1936-37 were structured and inflected by the experience of past class struggles and by the sediments of culture, communal belief and ideology that had developed in the working-class districts during the preceding century. While revolutionary urbanism was theorised and formally articulated by the most radical organisations (the anarcho-syndicalist CNT, the anarchist FAI and the dissident-communist POUM) in the course of their struggle for the democratisation of social life, on another level it grew spontaneously from the cultural politics of the worker districts and was shaped by a series of cultural frames of reference that enabled a strong class identity to be expressed, a perception of ‘proletarian Barcelona’ as a moral, social, geographical and aesthetic entity.

Keywords: social revolution, revolutionary urbanism, Barcelona, collective protest, social memory, urban environment, creative destruction, cultural practices

Resumen: Este artículo examina los aspectos socio-temporales, simbólicos, prácticos y espaciales del urbanismo revolucionario en Barcelona y cómo fueron estructurados y modulados por la experiencia de luchas de clases del pasado y por los sedimentos de la cultura, creencias e ideologías populares que se habían desarrollado en los barrios obreros durante los cien años anteriores. Aunque las principales organizaciones radicales (la CNT anarcosindicalista, la FAI anarquista y el POUM disidente-comunista) teorizaron y articularon el urbanismo revolucionario durante el curso de su lucha por la democratización de la vida social, a otro nivel también creció espontáneamente de la política cultural de los barrios proletarios y se configuró por una serie de marcos de referencia cultural que permitieron que una sólida clase obrera pudiera expresarse, se tra-

taba de una percepción de la “Barcelona proletaria” como entidad moral, social, geográfica y estética.

Palabras claves: revolución social, urbanismo revolucionario, Barcelona, protesta colectiva, memoria social, medio urbano, destrucción creativa, prácticas culturales

DOI: 10.32608/2305-8773-2020-27-1-155-192

«Как будто вырвавшись из адского логова, повсюду появлялись отвратительные существа, переполненные алкоголем, извортливые преступники, недочеловеки, психопаты, обиженные обществом. Только в моменты глубоких революционных потрясений этот сошедший с ума и сводящий с ума сброд выходит наружу во всем своем ужасном обличи. Сброд, который выглядит темным и странным в окружении города, в котором он кишит и в котором в момент катастрофы он побеждает, вторгаясь везде и приводя к власти кровожадных монстров, потакающих своей инстинктивной жестокости».³

«Власть и историки часто описывают народный бунт как беспорядочный... Но чем внимательнее мы его изучаем, тем больше порядка мы обнаруживаем. Мы обнаруживаем порядок, созданный коллективными действиями из рутины организации повседневной социальной жизни, а также в непрерывном процессе подачи сигналов, переговоров и борьбы с другими сторонами, интересы которых затрагиваются коллективными действиями».⁴

«...Для значительной части народных низов Каталонии XIX и начала XX вв. религией обездоленных была религия владения».⁵

В данной статье исследуются социально-временные, символические, практические и пространственные аспекты революционного урбанизма в Барселоне. Согласно Джеймсу Фентресу и Крису Уикхему, «классовое сознание того или иного рода

³ Lacruz, 1943. P. 123.

⁴ Tilly, 1986. P. 4.

⁵ Horta, 2004. P. 22.

можно интерпретировать как норму в рабочих сообществах».⁶ В этом отношении городские преобразования революционной Барселоны были продолжением предшествующей антикапиталистической борьбы рабочих в защиту своего «права на город»⁷. В этой борьбе большое значение имели местные традиции уличной мобилизации и культура коллективных протестов прямого действия, восходящая к 1830-м годам и передававшаяся сменяющимися друг друга поколениями рабочих, среди прочего, посредством устной традиции и тем, что Фентресс и Уикхэм называют «социальной памятью»⁸. Эта культура, которая была организующим принципом в рабочих кварталах, обеспечивала преемственность революционному городскому проекту, придавая ему структуру и упорядоченность.

Как и все революции, июльская революция 1936 года сопровождалась социальными волнениями, городской мобилизацией и хаосом на улицах. Предпочитая обличение, ряд историков, стоящих на разных позициях (среди них есть фашисты, монархисты, республиканцы, каталонцы, социалисты и сталинисты), описывают революцию как вторжение темных социальных сил, представленных «безумной толпой», «люмпен-пролетариатом» и не сдерживаемых никакими властями. Они выступают как зачинатели неистовых бунтов и иррационального вандализма, превративших Барселону в «анархический город». Лишенные какой-либо политической цели, эти «кошунственные орды» только искали «разрушения ради разрушения», «великой красной вакханалии» «вопиющего грабежа» и «геноцида» (особенно духовенства)⁹. Также утверждается, что, несмотря на бесконтрольность действий толпы, ее «кровавые желания» периодически направлялись небольшой кликой провокаторов-наставников (а-ля Свенгали), «гангстерами революции и войны», «меньшинством возмутителей спокойствия» и «анархиче-

⁶ Fentress, Wickham, 1992. P. 119.

⁷ Lefebvre, 1968. См. также: Ealham, 1998. P. 21-26.

⁸ Fentress, Wickham, 1992.

⁹ Roldán, 1940. P. 77; Castillo del, Álvarez, 1958. P. 198; Benavides, 1978. P. 220; Ametlla, 1984. P. 84.

скими убийцами», действующими в собственных интересах и организующими «сатанинскую красную революцию»¹⁰ (в ходе которой пострадала самая большая епархия Испании, 279 (22%) священников Барселоны из 1251 были убиты, большинство из них в первые недели революции)¹¹. Несмотря на историографические достижения последних десятилетий, «миф обезумевшей толпы» продолжает повторяться в дискурсе историков, некоторые из которых подчеркивают иррациональный характер насилия «толпы» в Барселоне во время гражданской войны¹².

Несмотря на радикальные различия в политической интонации исследователей, как правые, так и левые нарративы свидетельствуют о глубоких урбанистических преобразованиях Барселоны¹³. «Внутренности Барселоны удалены. Барселона стала другой, это революционная Барселона... город жирных и прожорливых миллионеров»¹⁴ превратился в «театр революции»¹⁵, «новый город», «неизвестную Барселону», «красный город»,¹⁶ в котором «все праведные дети, рожденные революцией»¹⁷, вооруженные ополченцы были «новыми хозяевами улиц»¹⁸ и рабочий класс стал «единственным хозяином»¹⁹.

И сторонникам революции, и сторонникам старой системы было ясно, что государственный аппарат, который ранее регулировал доступ к публичным пространствам, был вытеснен путчем и что власть вооруженного пролетариата оказалась высшей, став «рекой пролетариата, которая сломала дамбы»²⁰. После многих лет репрессий со стороны государства и капита-

10 Pérez de Olaguer, 1937. P. 13, 14; Gibert Félix, 1942. P. 33; Miravittles, 1980. P. 84; López-Picó, 1999. P. 103, 148; Serra Pàmies, 1980. P. 22.

11 Sánchez, 1987. P. 10.

12 Payne, 1970. P. 222; Ucelay da Cal, 1982. P. 290; Solé i Sabaté, Villarroya i Font, 1989; Castells, 2002.

13 См.: Beriaín Azqueta, s.f. P. 86; Paz, 1995. P. 47; Carrasco, 1936; Caballé y Clos, 1939. P. 31.

14 Carrasco, 1936. P. 44.

15 Fragua Social. 19.07.1937.

16 Pérez de Olaguer, 1937. P. 44.

17 Ametlla, 1984. P. 85.

18 Ametlla, 1984. P. 92.

19 Llarch, 1936. P. 103.

20 Carrasco, 1936. P. 8.

листов многие рабочие чувствовали триумф, ощущали, что их класс наконец получили контроль над историей. Активистов опяняло новое ощущение власти на улицах, на фабриках и в рабочих кварталах: «Группы мужчин и женщин проявляли радость победителей. Как будто все уже сделано, достигнуто, хотя на самом деле самое главное и сложное еще и не началось»²¹. Однако активисты чувствовали безнаказанность «людей с оружием в руках», разгромивших войска мятежников в уличных боях в июле и выставляли напоказ недавно обретенное оружие и автомобили, конфискованные у богачей в ходе крупнейшей европейской революционной фиесты XX века.

Но за внешним хаосом и неразберихой стоял барселонский революционный проект городского преобразования, который продолжался с июля 1936 года до усиления центральной власти после мая 1937 года. Этот проект, осуществляемый силой оружия, представлял собой стремление изменить значение и функцию города с антикапиталистической точки зрения. Если заимствовать определение, придуманное ситуационистами, это была «критика урбанизма», попытка создать революционный город без отчуждения и иерархии²². Проект имел несколько измерений. Во-первых, городское пространство было реорганизовано для осуществления общественных и экономических целей. Во-вторых, властные структуры и символы буржуазии, такие как деньги, роскошь, дорогая одежда, были заменены новыми украшениями, социальными и городскими практиками, ставшими результатом общей пролетаризации повседневной жизни. Наконец, в попытке нарушить контуры традиционной городской власти, политические и социальные враги революционного города были физически устранены и особо это коснулось представителей церкви, которая была главной идеологической структурой старого городского порядка.

При этом, несмотря на мощную энергию и стремления, революционный городской проект был недостаточно развит, ослаблен дилеммами войны и революции, влиявшими на раз-

²¹ Beriaín Azqueta, s.f. P. 86; См. также: Carrasco, 1936. P. 13; Sanz, 1966. P. 306.

²² Debord, Kotányi, Vaneigem, 1963.

межевание среди республиканцев²³.

Основополагающим элементом революционного урбанизма было строительство баррикад во время борьбы с мятежниками с 19 по 21 июля 1936 г. 24 июля ежедневная газета CNT *Solidaridad Obrera* сообщила: «Барселона занята баррикадами, полными защитников пролетарских свобод... Сотни баррикад защищают пролетарский город от всех его врагов»²⁴. Строительство баррикад прочно вошло в практики бунтарской культуры рабочего класса Барселоны и совпало с периодами острых социальных конфликтов в городе. По словам одного из революционеров, многие баррикады были по сути символическими: «Логика их существования заключалась в том, что они были созданы коллективным импульсом, который поместил все цели социальных и политических изменений на каждый из сложенных камней», «Барселона превратилась в лабиринт из баррикад»²⁵. Как мобилизующий символ, баррикады были подтверждением духа солидарности и автономии сообщества рабочих кварталов, в то время как с практической точки зрения они имели первостепенное значение для народной победы в июльском уличном хаосе. Баррикады препятствовали передвижению мятежников, как военных, так и их гражданских сторонников, и защищали от возможных нападений. Баррикады также сыграли решающую роль в революции: они не только нарушили планы и схемы властей старого буржуазного города, но и в дни революционной эйфории и всеобщей забастовки, последовавших за началом военного мятежа, вооруженные рабочие установили свою власть в Каталонии через сеть контрольно-пропускных пунктов и баррикад. Кроме того, когда 27 июля CNT в Барселоне выпустила манифест с призывом вернуться к работе, были демонтированы только баррикады, мешавшие передвижению трамваев и автобусов, остальные остались символами новой власти рабочих²⁶.

²³ Ealham, 1996. P. 209-234.

²⁴ *Solidaridad Obrera*. 24.07.1936.

²⁵ Paz, 1994. P. 23-24.

²⁶ Через три недели после уличных боев французский сюрреалист Бенджамин Перет сообщил Андре Бретону, что город «украшен баррикадами» (Письмо

Баррикады были пространственным инструментом зарождающейся власти, осуществляемой множеством местных или соседских вооруженных революционных комитетов, которые контролировали передвижение в город и из города и представляли собой первичную ячейку революционной власти²⁷. Комитеты были массовым ответом на вакуум власти, последовавший за кризисом республиканского государства в июле. В первые дни и недели революции почти вся власть исходила из местных комитетов в рабочих кварталах. Согласно манифесту CNT-UGT, эти новые органы осуществляли «власть баррикад»²⁸. Несмотря на антигосударственные настроения анархистских лидеров и их сторонников, комитеты были фактически местной исполнительной и вооруженной властью, которая установила своего рода диктатуру пролетариата на улицах Барселоны²⁹.

Новая власть рабочего класса осуществлялась с помощью различных местных вооруженных группировок, таких как арьергардные ополчения, группы по расследованию и наблюдению, контрольные патрули и ополченцы, которые отправились на фронт, чтобы сражаться в гражданской войне. Сформированные местными революционными комитетами для защиты общества, эти вооруженные бригады внедряли принципы «классовой справедливости» в своих кварталах и совершали карательные рейды в жилых районах буржуазии, часто на автомобилях, захваченных у богачей³⁰. Их целью было обеспечение чистоты общества, очищения районов от реакционеров и строительства революционного города путем насильственного уничтожения социальных сетей старого города. Их быстрое осуществление правосудия подвергалось критике, но знание мест-

Андре Бретону, Барселона, 11 августа 1936). См.: Péret, 1988. P. 182. О выживании на баррикадах см.: Borkenau, 1937. P. 175; Langdon-Davies, 1936. P. 119, 126.

²⁷ Paz, 1988. P. 87.

²⁸ «Жителям Барселоны», совместный манифест CNT-UGT, сентябрь 1936 г.

²⁹ Их называли Высшими комитетами (Lorenzo, 1972) и отмечали их «неограниченную власть» на улицах (Guardiola, 1939. P. 30, 47). В то же время, Франц Боркенау отмечает, что Барселона «поразила меня тем, как внезапно раскрылась истинная природа диктатуры рабочих» (Borkenau, 1937. P. 175).

³⁰ Bueso, 1978. Vol. 2. P. 191.

ных условий, которыми обладали вооруженные защитники революции, давало им реальное преимущество перед бюрократией в определении лояльности и вины задержанных³¹.

Сторонники мифа о «безумных преступниках» предполагают, что «террор» был хаотическим периодом неизбежного кровопролития после отмены привычных законов и порядка. Однако большая часть смертей в Барселоне во время гражданской войны произошла организованно под опекой республиканских властей в военной крепости Монжуик³² и, следовательно, они не были делом рук «неконтролируемых преступников», которых карикатурно изображали и демонизировали в республиканской и франкистской прессе, как во времена Парижской Коммуны шестьдесят лет назад. В Барселоне не было кампании по уничтожению буржуазии как класса. Многие работодатели и управленцы оставались на своих рабочих местах, получая заработную плату, равную заработной плате рабочих, а в нескольких случаях члены революционных комитетов защищали капиталистов, даже вмешиваясь, чтобы спасти жизни некоторых³³. Между тем промышленники, как и средний класс, пользовались защитой республиканских групп и, все чаще, каталонских коммунистов из PSUC, партии, которая стала новым защитником представителей мелкой и средней буржуазии города.

Несомненно, тот факт, что рабочие были вооружены и свободны от ограничений, наложенных на них старым государственным аппаратом, побудил многих взять правосудие в свои руки, однако «террор» был чем угодно, но только не «волной беспорядков и слепого насилия», учиняемых социально безродными «вандалами»³⁴. Нет переписи или реестра членов вооруженных революционных групп, но неофициальные и автобиографические данные свидетельствуют о том, что в эти группы входило много квалифицированных рабочих. Они также состояли из активистов основных антифашистских организаций до

³¹ Paz, 1995. P. 71-72.

³² Solé i Sabaté, Villarroya i Font, 1989. Vol. 1. P.12.

³³ Llarch, 1975. 126, 150-1; Monjo, Vega, 1986. P. 68-69; Marín, 2002. P. 202.

³⁴ Solé i Sabaté, Villarroya i Font, 1989. Vol. 1. P. 172, 450; Cueva de la, 1998. P. 358.

гражданской войны, которые, следовательно, имели какое-то образование и политический опыт. Многие из местных революционных комитетов были сформированы в результате трансформации социальных и политических пространств, уже существовавших и организованных представителями рабочего класса (комитеты защиты CNT, вооруженные группы, которые занимались забастовками и безопасностью на митингах и демонстрациях, профсоюзные комитеты заводов и общественные учреждения, такие как атенеи), то есть автономное пролетарское сообщество, существованию которого угрожал мятеж июля 1936 года. Революционеры, происходившие из районов, которые они патрулировали³⁵, черпали свою силу из местных сетей солидарности и соседства, взяв на себя многие из обычных функций общественной полиции (так, после жалоб на бакалейщика, который спекулировал продуктами питания, ополченцы и соседи объединили свои силы, чтобы разрушить магазин мошенника)³⁶.

Хотя причины репрессий были непросты, нас больше интересуют культурные детерминанты народного насилия³⁷. В насилии присутствовал очень сильный нормативный компонент, неотделимый от космологии рабочего общества и от того, как люди по соседству интерпретируют мир. Культурная вселенная местного рабочего класса была сформирована в результате динамического взаимодействия когнитивных процессов и опыта длительного периода репрессий, протестов и жестоких конфликтов, результатом которых стало то, что Пьер Бурдьё назвал «спонтанной социологией»³⁸. Пролетарская идентичность «рабочих районов» питала глубокое ощущение «мы», в то же время определяя ряд социальных и политических врагов³⁹. Культура рабочего класса и прежние остатки социальной памяти были очищены и политизированы дискурсом CNT, который идентифицировал врагов как безнравственных и паразитиче-

³⁵ Casanovas i Codina, 1986. P. 51-59.

³⁶ El Noticiero Universal. 27.07.1936.

³⁷ Tilly, 1994. P. 244.

³⁸ Bourdieu, 1990. P. 129-130.

³⁹ Ealham, 2001. P. 33-47.

ских «других», которые жили за счет пота рабочих и которых надо уничтожить для «блага общественного здоровья», другими словами, для блага общества⁴⁰. Таким образом, если мы вспомним, что культурные установки рабочего класса были сформированы коллективной памятью о несправедливости, легко осознать, почему в рабочих кварталах считалось, что большинство жертв «революционного террора» 1936–1937 гг. пострадали справедливо или, как говорил народ, были результатом «сведения счетов»⁴¹. Именно такую картину наблюдал каталонский анархист Жоан Пейро: «Революция есть революция и здравый смысл заключается в том, что революция предполагает кровопролитие. Капиталистическая система, светская власть, церковь, империя и касикизм на протяжении веков поддерживались и подпитывались болью и кровью людей. Поэтому логично, что, когда народ одерживает победу, проливается кровь тех, кто на протяжении многих столетий сохранял власть и привилегии посредством организованного насилия, причиняя ненужную боль и сея страдания и смерть»⁴².

Наконец, массовое насилие можно представить в контексте автономной культуры действий рабочего класса, где одной из установок было недоверие к органам государственного и общественного порядка, которые были не чем иным, как агентами старой элиты, во время Второй Республики, оказавшиеся неспособными противостоять врагам демократии.

Хотя революционные комитеты создавались на основе грубой демократии рабочих кварталов, они никогда не были демократическими в том смысле, который был свойственен *советам* и *рабочим советам*, которые возникли во время русской революции 1917 года и во время революционного кризиса в Германии после Первой мировой войны. Они никогда не практиковали подлинную прямую демократию. Однако, хотя большинство членов окружных комитетов имели отношение к CNT, они были номинально независимы от официальных организаций рабочего класса и часто не следовали приказам Конфедерации. Как

⁴⁰ Solidaridad Obrera. 06.09.1936.

⁴¹ Caballé y Clos, 1939. P. 50-62; Beriain, s.f. P. 52-53.

⁴² Peiró, 1936. P. 39-40.

отмечает Абель Пас, около 8000–10000 активистов в Барселоне не выполняли приказы Центрального комитета антифашистских формирований и «высших комитетов» CNT-FAI⁴³. Подавляющее большинство комитетов практиковали радикальную форму соседской демократии, которая во многом основывалась на популярных каталонских федералистских традициях и культуре рабочего класса Барселоны. Локализм комитетов пространственно проявлялся через баррикады, которыми они разграничивали сферу своего влияния в окрестностях, и через наименования (так в Госпитале был Революционный комитет, в Бадалоне - Местный антифашистский комитет, а в Виланова-и-ла-Желтру - Комитет общественного здравоохранения).

Районные комитеты сформировали основу единственного подлинно революционного органа, сформированного в июле - недолговечной Федерации баррикад, созданную активистами на низовом уровне в разгар борьбы с мятежниками⁴⁴. Ориентируясь на окружные федерации Парижской коммуны или советы, учрежденные в ходе других крупных городских восстаний рабочего класса в Париже (1848 г.), Петрограде (1917 г.), Берлине (1918-19 гг.) и Турине (1920 г.), Федерация баррикад в зародышевой форме представляла собой революционную альтернативу государственной власти. Подобно старому правительству, Федерация баррикад имела вооруженную власть, которая базировалась в «Казармах Бакунина», бывших Казармах Педральбес, и являлась важным вербовочным центром анархистских ополченцев⁴⁵. Однако Федерация баррикад в то же время подчеркнула одну из главных проблем революции: отсутствие новой институциональной формы, которая могла бы выразить стремление к народной революции и объективную необходимость продолжения гражданской войны. Более того, во время июльских уличных боев Федерация баррикад применила революционную тактику: ее краткосрочные цели заключались, по сути, в подавлении военного восстания и захвате контроля над городским пространством. Более того, ни CNT-FAI, ни POUM

⁴³ Paz, 1995. P. 64.

⁴⁴ Paz, 1995. P. 28.

⁴⁵ Paz, 1978. P. 360.

не выступали за преобразование Федерации баррикад или местных революционных комитетов в собрание или революционное правительство⁴⁶. Хотя это нежелание формировать скоординированную революционную власть может быть отнесено, по крайней мере частично, к идеологии анархосиндикалистских лидеров, оно также отражало культуру анти-власти рабочего класса, которая в огромной степени была обусловлена негативным восприятием репрессивной государственной власти.

С начала революции лидеры анархистов взаимодействовали с республиканскими властями, участвуя в политике сотрудничества Народного фронта по борьбе с военным мятежом, и эта позиция обозначила политические пределы преобразующего городского проекта. Приняв принципы «демократического сотрудничества», лидеры CNT-FAI пошли на серию компромиссов, которые привели к возникновению противоположных полюсов власти, подрывом власти местных комитетов и завершились восстановлением старой власти. Первое из этих обязательств связано с 21 июля 1936 г., когда лидеры CNT-FAI согласились разделить власть в Центральном комитете антифашистских ополченцев (ССМА), органе с видимостью революционного правительства, но на самом деле являвшимся межклассовым образованием, в котором были представлены все партии Народного фронта, включая буржуазную часть республиканцев⁴⁷. За несколько недель своего существования, когда революционный пыл был на пике, ССМА взял на себя полную ответственность за раздачу продуктов питания, отправление правосудия, военную оборону и общественный порядок - компетенции, которые ранее были под юрисдикцией местных революционных комитетов⁴⁸. 26 сентября 1936 г. иерархия CNT-FAI приняла план замены ССМА воссозданным Женералитатом, ав-

⁴⁶ См.: Paz, 1995. P. 64, баррикадам «не хватало конкретной цели». Только когда сила революции сошла на нет, радикальные анархисты признали, что районные революционные комитеты могли служить центром местной политики; см.: Ruta. 14.03.1937.

⁴⁷ La Vanguardia. 22.07.1936.

⁴⁸ Adsuar, 1979. P. 50-56.

тономным правительством Каталонии, в котором анархисты впервые получили бы представительство. Наконец, 16 октября 1936 г., всего через три месяца после июльской революции, Женералитат издал указ о роспуске всех революционных комитетов в Каталонии⁴⁹.

Однако, следуя кантональным традициям рабочего класса, декреты о централизации Женералитата игнорировались революционерами и / или там, где республиканские группы и партии Народного фронта были слабы. Таким образом, власть оставалась раздробленной, что привело к возникновению целого ряда местных инициатив. Социально-пространственная революционная сила рабочих районов просуществовала до «майских событий» 1937 г., когда центральное республиканское правительство выступило против последних районных комитетов, чтобы окончательно их уничтожить.

Таким образом, в период с июля 1936 г. по май 1937 г. местные революционные комитеты способствовали захвату рабочими сообществами городской среды и проявлению новой власти в управлении повседневной жизнью. По мере того, как революционные комитеты начали решать насущные проблемы, стоящие перед рабочими сообществами, топография города была изменена и установился новый набор социальных отношений и практик солидарности. Например, сразу после переворота, когда магазины были закрыты, а промышленность и торговля парализованы, районные революционные комитеты основали комитеты по снабжению, чтобы организовать раздачу продуктов питания. На практике вооруженные группы конфисковывали основные продукты питания и одежду из магазинов и со складов, а затем распределяли их по районам через местные революционные комитеты. В очередной попытке упростить предоставление продуктов питания городские революционные комитеты и союзы создали сеть бесплатных столовых, для которых раздавали ваучеры, по которым предъявителю давали еду.

Революционное городское планирование по-настоящему началось на улицах 21 июля 1936 г. (по иронии судьбы в тот же

⁴⁹ Butlettí Oficial de la Generalitat. 17.10.1936.

день, когда лидеры анархистов решили разделить власть с другими партиями Народного фронта): группы рабочих, часто организованные через местные революционные комитеты, оккупировали богатые кварталы, церкви, офисы, отели и дворцы⁵⁰. Эти пространства, которые раньше были бастионами привилегий, власти и идеологии местных элит, теперь были открыты для народа. Рабочие организации конфисковали некоторые из самых престижных зданий в центре города. В центре города РОУМ заняла отель *Falcón*, кафе *Lyon d'Or* и дворец Виррейна на Лас-Рамблас. «Либертарная молодежь» основала свою штаб-квартиру во дворце аристократа, бежавшего во Францию⁵¹. Эта модель повторялась по всему городу: группы антифашистов и даже небольшие группы анархистов занимали дома богачей⁵².

Новая география власти была воплощена в трансформации Виа Лайетана, проспекта в североамериканском стиле, который символизировал власть местных элит и который можно рассматривать как Уолл-стрит Барселоны. После июльской революции Виа Лайетана, позже названная Виа Дурути, в честь самого известного из каталонских анархистских лидеров, погибшего в ноябре 1936 г., защищая Мадрид от армии мятежников, стала символом новой власти. CNT заняла здания *Banc d'Espanya*⁵³ и *Casa Cambó*, бывшей штаб-квартиры Каталонской федерации работодателей, главной каталонской бизнес-ассоциации, которая была переименована в *Casa CNT-FAI* и стала центром анархистской Барселоны. Виа Лайетана также отразила меняющийся характер репрессий в Барселоне. До революции это был штаб главного полицейского участка города, где пролетариев-активистов периодически задерживали, избивали и пытали. После июля 1936 г. вооруженные силы рабочего класса, такие как Комитет защиты CNT, заняли здесь здание, где разместилась Служба расследований, своего рода рабочая полиция, располагавшая штаб-квартирой на той же улице в *Casa CNT-FAI*. Помимо олицетворения триумфа рабочих квар-

⁵⁰ Carrasco, 1936. P. 15; Paz, 1995. P. 28.

⁵¹ Bueso, 1978. Vol. 2. P. 190; Paz, 1995. P. 76.

⁵² Paz, 1995. P. 56.

⁵³ Solé i Sabaté, Villarroya i Font, 1989. Vol. 1. P. 290.

талов против буржуазного города, захват Виа Лайетана также имел большое значение, поскольку она была построена на руинах одного из первых рабочих кварталов Барселоны. Таким образом, июльская революция позволила рабочему классу вернуть себе и снова занять пространство, из которого он был изгнан в 1900-х годах в результате программы искоренения трущоб, ставшей частью сознательной стратегии уважаемых классов города по маргинализации рабочих⁵⁴.

Новые социально-пространственные практики олицетворяли возвышение рабочих и упадок старой элиты. По словам одного очевидца, «жизнь разворачивалась на улицах», а другой рабочий отмечал, что «улицы стали наши»⁵⁵. Иностранцев впечатляло зрелище революции на улицах⁵⁶: «Революция предлагает новый образ в каждый момент. Здесь жизнь в тысячу раз интенсивнее и эта череда событий производит эффект инъекции кофеина»⁵⁷. Что касается оружия, одного из важнейших символов силы рабочего класса, революционеры гуляли с ним и гуляли открыто, особенно по Лас-Рамблас, центральному бульвару Барселоны, в почти карнавальном атмосфере, которую подпитывало чувство освобождения.

В результате всеобщей пролетаризации из обихода исчезли символы буржуазной власти и уважительности, такие как элегантные костюмы, галстуки и шляпы⁵⁸. В течение июля 1936 г. и сразу после него послабление в форме одежды распространилось на республиканские силы безопасности, многие из которых адаптировались к новому революционному стилю, сняв элементы униформы и совместив ее с другой гражданской одеждой⁵⁹. Новые революционные стандарты одежды, которые,

⁵⁴ López Sánchez, 1993.

⁵⁵ Larch, 1975. P. 122; Интервью Антонио Туррона для документального фильма «Vivir la utopia» (Televisión Española, 1996).

⁵⁶ Low, Brea, 1979 [1937]. P. 20; Orwell, 1938. P. 3-4; Gregory, 1986. P. 26-27.

⁵⁷ Kaminski, 1976 [1937]. P. 46.

⁵⁸ Borkenau, 1937. P. 70; Orwell, 1938. P. 4; 'Schmit', 1937. P. 31; Pérez de Olaguer, 1937. P. 30; Gomis, 1968. P. 229; Guardiola, 1939. P. 36, 49; Gibert Félix, 1942. P. 25; Laird, 1936. P. 528; Lacruz, 1943. P. 129; Caballé y Clos, 1939. P. 44; Ametlla, 1984. P. 86-88; Gríful, 1956. P. 28.

⁵⁹ Ametlla, 1984. P. 83.

по мнению республиканцев из среднего класса, представляли «реализацию испанского революционного идеала: всеобщую и обязательную бедность»⁶⁰, олицетворением которой было равенство в одежде, обеспеченное комбинезонами, обычно синего цвета, которые были метафорой революционного проекта, направленного на полное стирание социальных разногласий и, на короткое время, именно они стали униформой рабочих ополченцев. Одним из классических образов испанской революции был образ милиционера в комбинезоне с широким кожаным ремнем⁶¹. Масштабы этой пролетаризации в одежде подчеркнули первоначальную силу революции, когда буржуазная одежда вызывала враждебную реакцию со стороны рабочих на улицах. Зафиксированы несколько случаев насильственного снятия головных уборов и преследования людей в галстуках толпой⁶². Благоразумные представители элиты и духовенства приветствовали пролетарскую элегантность, заимствуя одежду у отзывчивых слуг и рабочих в попытке избежать «революционного правосудия». В крайних случаях некоторым буржуа приходили подражать одежде анархистов и ополченцев⁶³.

Еще одним важным символом силы рабочего класса был красно-черный цвет CNT-FAI, который появлялся на огромных флагах, помещенных в оккупированных зданиях или свисающих с балконов. Трамваи также окрашивались это цветовое сочетание повторялось на кепках, шарфах и значках, которые продавались в уличных киосках на Лас-Рамблас⁶⁴. В попытке придать городскому ландшафту новый облик, дворцы и гостиницы были украшены транспарантами с лозунгами и портретами революционных лидеров. Стены революционного города украшались пропагандой, граффити, плакатами и манифестами. Признавая важность стен как средства коммуникации, Либертарная молодежь (JJ.LL), каталонское анархистское молодеж-

⁶⁰ Ametlla, 1984. P. 88.

⁶¹ Guardiola, 1939. P. 57.

⁶² Lacruz, 1943. P. 129; Kaminski, 1976 [1937]. P. 35; Ametlla, 1984. P. 86.

⁶³ Kaminski, 1976 [1937]. P. 37; Lacruz, 1943. P. 129; Salter, 1943. P. 29; Llarch, 1975. P. 127-128, 152.

⁶⁴ Borkenau, 1937. P. 69-70; McNair, n.d. P. 6. Low, Brea, 1979 [1937]. P. 21.

ное движение, выпустило *Esfuerzo*, еженедельную «стенгазету» размером с плакат, которую можно было расклеивать на стенах домов⁶⁵.

Что касается материальных и экономических достижений революционного города, то они начались только после 27 июля 1936 г., когда CNT призвал вернуться к работе, вызвав вторую волну оккупации фабрик и рабочих мест, когда рабочие взяли под контроль средства производства. В это время, до 50% представителей местной буржуазии бежали из Барселоны⁶⁶. 3000 предприятий были национализированы⁶⁷. При этом ни одна революционная группа не призывала к экспроприации: это скорее была реакция рабочих на местах, где боссы или владельцы бежали из города или были убиты⁶⁸. Следовательно, в тот самый момент, когда руководители CNT начали сотрудничать с демократическими силами, им пришлось столкнуться с революцией со стороны своих рядовых боевиков.

Трансформация рабочих практик соответствовала анархистским идеям, согласно которым, новое положение рабочего предполагало гармонизацию социальных и экономических аспектов повседневной жизни и преодоление искусственных барьеров между работой и отдыхом. Хотя осуществление этого проекта было затруднено войной, было несколько попыток искоренить разделение между работой и жизнью. Чтобы подчеркнуть новые социальные приоритеты революционного города, на крупных фабриках были созданы ясли, что позволило женщинам покинуть дом и участвовать в работе. На некоторых предприятиях были внедрены амбициозные образовательные программы, в том числе общие курсы и обучение иностранным языкам. На заводах также создавались библиотеки. Однако, как отмечает Майкл Зайдман, принятие руководителями CNT-FAI продуктивистской программы в условиях военной экономики,

⁶⁵ *Esfuerzo* появилась в середине марта 1937 года и была закрыта во время майских событий 1937 г.

⁶⁶ Paz, 1995. P. 48.

⁶⁷ Castells Durán, 1993.

⁶⁸ Souchy, Folgare, 1977. P. 75.

серьезно подорвало эти инициативы⁶⁹.

Одной из главных целей революционного городского проекта было расширение городских служб города, которые не соответствовали темпам городского роста в Барселоне. После июля 1936 г. потребности в новых формах коллективного потребления были удовлетворены посредством организации служб социального обеспечения, жилья и других городских служб. Даже источники, враждебные революции, признают, что она принесла с собой развитие социальных услуг⁷⁰. Пространства, которые ранее служили исключительно буржуазии, были коллективизированы и переданы под контроль местных вооруженных революционных комитетов и союзов для использования всем населением. Отель *Ritz* превратился в *Gastronomico №1*, общественную столовую подконтрольную профсоюзам, в которой питались ополченцы, бездомные, артисты кабаре и фабричные рабочие⁷¹. Правые были шокированы таким преобразованием *Ritz*⁷². В бывшем офисе Ассоциации работодателей была создана столовая, в которой подавали обеды представителям местного сообщества⁷³. Кроме того, некоторые частные дома элиты были превращены в общественные рестораны или дома для бездомных, беженцев и престарелых, а также для тех, кто живет в условиях перенаселения. Тем временем в рабочих кварталах были организованы специальные комитеты по созданию рабочих мест для безработных, часто в рамках строительных программ. В соответствии с новой системой распределения, оставшиеся безработные имели право покупать продукты в местных магазинах и питаться в общественных столовых. Эта помощь безработным привела к тому, что после июля 1936 г. попрошайничество было в значительной степени искоренено⁷⁴.

Новые приоритеты революционного города также преврати-

⁶⁹ Seidman, 1991.

⁷⁰ Palou Garí, 1939. P. 30.

⁷¹ Langdon-Davies, 1936. P. 119, 142.

⁷² См.: 'Schmit', 1937. P. 26.

⁷³ Paz, 1988. P. 114.

⁷⁴ Low, Brea, 1979[1937]. P. 19; Borkenau, 1937. P. 115; Santacana i Torres, 1994. P. 52.

ли «заброшенное» буржуазное пространство в полезное для всего общества. Помимо множества местных клиник, расположенных в особняках, было основано шесть больниц, в том числе родильное отделение в старинном отеле (до революции младенческая смертность в пролетарском районе Эль-Раваль была вдвое выше, чем в буржуазных районах города)⁷⁵. Также значительно расширились возможности обучения⁷⁶. Большинство школ было открыто в конфискованных зданиях, хотя Строительный союз CNT построил и несколько новых. В результате радикального процесса конфискации и гражданского использования собственности религиозных орденов церковные школы и монастыри стали местами светского образования: семинария преобразовалась в Университет Барселоны, Строительный союз CNT превратил некоторые церкви в школы⁷⁷. Библиотеки и школы размещались также в домах богачей. Частные книжные коллекции были коллективизированы и на том же месте преобразовывались в новые публичные или школьные библиотеки⁷⁸. В продолжение культурных инициатив CNT-FAI до гражданской войны анархисты увеличили количество классов для взрослых в атенеях рабочих кварталов. Многим из атенеев расширили свою деятельность и увеличили количество участников, переехав в здания, которые ранее принадлежали богачам или церкви.

На символическом уровне меняли названия городские достопримечательности, улицы (ранее названные в честь аристократов, банкиров, монархов и святых, теперь они приобретали имена героев революции, таких как Энгельс, Кропоткин, мученики Чикаго, Монжуик, Спартак или литераторов, как Достоевский, а иногда просто отдавая дань социальной революции брали ее имя или назывались в честь погибших в борьбе героев). Хотя изменение названия, как правило, происходило официально, с церемониями, проводимыми местными властями и общественными организациями и с открытием мемориальной

⁷⁵ Leval, 1975. P. 269-270; Roca, 1983. P. 63.

⁷⁶ Miró, 1989. P. 287.

⁷⁷ El Noticiero Universal. 27.07.1936.

⁷⁸ Llarch, 1975. P. 121-122.

доски, иногда оно было более неформальным, как в случае с названием улицы Магдалена в районе Грасиа, которое анархистские активисты изменили на Калле-де-лос-Ребелдес⁷⁹. Другие символические ориентиры старого городского порядка, такие как буржуазные памятники, были также уничтожены в результате радикальной реформы застройки городского пространства. После июльской событий памятник графу Гуэлю, одному из самых выдающихся представителей барселонской буржуазии, был «украшен» картинами и граффити, посвященными Жертвам 19 июля⁸⁰. Был уничтожен и памятник монархисту генералу Приму, который члены «Либертарной молодежи» расплавили для изготовления оружия⁸¹.

Автомобили стал еще одним буржуазным символом, с радостью присвоенным революционерами. Во многих свидетельствах о революционном периоде подчеркивается иррациональность рабочих, которые конфисковав автомобили, расписывали их инициалами CNT-FAI, а затем уничтожали (иногда вместе с жизнями пассажиров, в дорожно-транспортных происшествиях, спровоцированных безрассудным вождением «сумасшедших» или неопытных водителей)⁸². Некоторые историки соглашаются с такими рассказами о «жестоким обращении с автомобилями»⁸³.

Аналитический подход позволяет нам понять логику революционного автовождения. Во-первых, несмотря на то, что революция могла быть связана с безрассудным вождением, в дорожно-транспортных происшествиях не было ничего нового, и как до, так и после революции плохое вождение и безопасность дорожного движения вызывали у жителей города большую озабоченность. В то же время разрушение автомобилей отражало желание обозначить начало нового этапа пространственных от-

⁷⁹ Paz, 1995. P. 56, 115; Caballé y Clos, 1939. P. 85-86.

⁸⁰ Langdon-Davies, 1936. Plate 2.

⁸¹ Paz, 1995. P. 58; Caballé y Clos, 1939. P. 71.

⁸² Laird, 1936. P. 524; Pi Sunyer, 1975. P. 390; Salter, 1943. P. 9-11; Guardiola, 1939. P. 39; Lacruz, 1943. P. 117-118; Knoblaugh, 1937. P. 33; Caballé y Clos, 1939. P. 11; Pérez, 1937. P. 9; 'Schmit', 1937. P. 5-6.

⁸³ Seidman, 1991. P. 1; Benavides, 1978. P. 131-132, 159.

ношений. Ранее, во время Второй Республики, рабочие Барселоны восстали против попыток центральных и местных властей навязать новый городской порядок контролируемого потребления, который включал новые правила дорожного движения и светофоры, предназначенные для улучшения транзита товаров⁸⁴.

Тот факт, что многие светофоры были уничтожены во время июльских уличных боев, вкупе с предрасположенностью революционеров игнорировать оставшиеся светофоры, можно интерпретировать как реакцию на ритмы, навязанные капиталистическим городом. Этот протест укоренился в культуре рабочего класса, которая долгое время определяла себя как враждебная механическим или капиталистическим видам транспорта, таким как трамваи и автомобили, угрожавшие социальной географии рабочих кварталов⁸⁵. Действительно, в отличие от представителей элиты, рабочие имели более прямую связь с улицей и их опыт городской жизни был совершенно другим: большинство трудящихся ходили на работу пешком. Улица была важным пространством общения, солидарности и памяти⁸⁶. После июльского мятежа для вооруженных рабочих было логичным конфисковать автомобили, чтобы добиться большей мобильности в городской борьбе против повстанческой армии и, в свою очередь, предотвратить их использование контрреволюционерами⁸⁷. Вполне возможно, что инициалы CNT-FAI были нарисованы на машинах не для того, чтобы их узнавали на баррикадах, поскольку контрреволюционеры могли сделать то же самое, а в качестве символа победы рабочих над старым порядком. Для революционеров-автомобилистов машины были демонстрацией их новообретенной силы в повседневной жизни и некоторые из них неизбежно испытали удовольствие от власти посредством вождения. Все это превратило Барселону в «импровизированную школу для водителей» и «кладбище ав-

⁸⁴ См.: Rubió i Tudurí, 1932; Roca, 1977.

⁸⁵ В конце 1990-х дискуссии о роли автомобиля в городе все еще были очень оживленными, см.: La pregunta: una ciutat sense cotxes?, 1999. P. 8-12.

⁸⁶ Miralles, Oyón, 1998. P. 159-201.

⁸⁷ Salter, 1943. P. 9-11.

томобилей», а арена для боя быков в рабочем районе Сантс преобразовалась в свалку разбитых автомобилей⁸⁸. Уничтожение автомобилей также отражало аскетический импульс испанской революции, пролетарскую антипотребительскую борьбу, направленную против значимых элементов зарождающейся системы потребительского капитализма.

Однако больше всего на свете революционная экспроприация автомобилей высветила тревогу элит по поводу потери иерархического контроля над городом⁸⁹. Следовательно, был вполне понятен страх, вызванный «машинами смерти»⁹⁰, которые использовались, чтобы вывести своих бывших владельцев на прогулки, поездки в один конец, в ходе которых контрреволюционеры попадали под подозрение или проверялись на заброшенных дорогах окраин Барселоны⁹¹.

Логика революционного урбанизма предполагала разрушение элементов архитектуры государственных репрессий и пространств, содержащих воспоминания об этих репрессиях. Этот вид «созидательного разрушения» возник в результате бесчисленных конфликтов, предшествовавших гражданской войне, и был основан на культуре сопротивления рабочего класса пространственной логике буржуазного контроля над городом, а также на ряде воинственных антикапиталистических, антивоенных и антигосударственных практик (забастовки, беспорядки, восстания, бунты в тюрьмах, взрывы бомб в полицейских участках или военных казармах)⁹². Примером может служить женская тюрьма на улице Амалия, в одном из старейших рабочих кварталов Барселоны. Здание было построено на месте женского монастыря, который сгорел во время антиклерикальных протестов в 1835 г., затем здание превратилось в главную тюрьму города и место проведения казней (до 1904 г.). После тюрьма для мужчин стала тюрьмой для женщин. Среди сокамерниц было много бедных работниц, кого финансовые неуда-

⁸⁸ Carrasco, 1936. P. 21-22.

⁸⁹ Laird, 1936. P. 524-526; Lacruz, 1943. P. 129; Ametlla, 1984. P. 86.

⁹⁰ Llarch, 1975. P. 120.

⁹¹ Pi Sunyer, 1975. P. 390; Guardiola, 1939. P. 36, 39; Caballé y Clos, 1939. P. 11.

⁹² Ealham, 2005. P. 63-104.

чи привели к проституции. Тюрьмой управляли монахини, известные своей жестокостью, что сделало это место особенно ненавистным для рабочих символом тирании и обскурантизма старого порядка. Закономерно, что 19 июля 1936 г., когда уличные бои еще не закончились, тюрьма подверглась нападению большой группы мужчин и женщин, которые освободили заключенных. Часть здания была уничтожена, а на оставшейся части было вывешено красно-черный флаг CNT и табличка с надписью: «Народ закрыл этот дом пыток, июль 1936 года»⁹³. Однако для революционного урбанизма этого было недостаточно. На собрании анархо-феминистской группы «Свободные женщины» было решено снести все здание и 21 августа члены Строительного союза CNT реализовали эту инициативу⁹⁴.

Некоторые акты «созидательного разрушения» напоминали происходящее при предыдущих протестах. Когда толпа, например, наказывала виновных в военном мятеже, уничтожив их собственность. Так был совершен налет на дом Жоана Пич-и-Пона, президента Ассоциации домовладельцев Барселоны, а также на дома правых политиков, помещения немецких и итальянских компаний⁹⁵. Как заметил один сторонник подобных насильственных практик, «районы, в которых жили люди капитала, стали заброшенными, мертвыми»⁹⁶. Хотя такое поведение давало повод свидетелям правого толка говорить о «грабежах» и «уличных преступлениях», совершаемых союзом «убийц, анархистов и воров»⁹⁷, более надежные источники подтверждают упорядоченный и нормативный характер таких действий⁹⁸. Например, после нападения на помещения итальянской судостроительной компании на Лас-Рамблас вещи и мебель были вы-

⁹³ Langdon-Davies, 1936. P. 141.

⁹⁴ Solidaridad Obrera. 13.08.1936; Caballé y Clos, 1939. P. 44.

⁹⁵ Solidaridad Obrera. 26.07.1936; Caballé y Clos, 1939. P. 32-34). О выживании вышеупомянутых «традиционных» форм протеста см.: Pérez Ledesma, 1990. P. 165-202.

⁹⁶ Carrasco, 1936. P. 13.

⁹⁷ Lacruz, 1943. P. 117-118; Pérez de Olaguer, 1937. P. 64, 72; Caballé y Clos, 1939. P. 37.

⁹⁸ Laird, 1936. P. 522; Borkenau, 1937. P. 74; Pi Sunyer, 1975. P. 393; Lacruz, 1943. P. 121; Palou Garí, 1939. P. 143-144.

несены на улицу с табличкой: «Эта мебель принадлежит иностранцам, опозорившим себя»⁹⁹.

Пожалуй, самый противоречивый пример «созидательного разрушения» был осуществлен против церковной собственности. Интенсивность антиклерикального насилия была своеобразной чертой испанской революции и несомненно следует учитывать. Практически во всех районах Барселоны местные революционные комитеты организовали наступление на церковь. Толпа нападала на закрытые религиозные общины и ограниченные пространства, навязывая «дни справедливости»¹⁰⁰. Для критиков революции это выглядело как жестокое грабежи¹⁰¹. Для представителей элиты и правых эти действия воспринимались как разрушение пространств памяти: «Церкви, где мы женились, где мы крестили наших детей и хоронили наших мертвых, сгорели; мы видели сожженные монастыри, школы монахинь, куда ходили наши дочери...»¹⁰². Однако ряд наблюдателей, как иностранных, так и местных, отражающих различные политические точки зрения, подчеркивает преднамеренный и избирательный характер действий толпы, которая трансформировала религиозные пространства. Так, австрийский социолог Франц Боркенау охарактеризовал поджог церкви в центре Барселоны как «административное дело», при этом пожарная бригада находилась рядом, чтобы предотвратить распространение огня на окружающие здания¹⁰³. Нападение на Церковь имело сильный политико-моральный аспект: член антиклерикального движения пригласил Стэнсбери Пирса, английского бизнесмена из Барселоны, присоединиться к нападению на церковь во имя «человечности». Пирс отклонил приглашение «на том основании, что он англичанин»¹⁰⁴. Как позже объяснил ему один анархист, люди хотели сжечь церкви, потому что они бы-

⁹⁹ Peadar O'Donnell, 1937. P. 100.

¹⁰⁰ Paz, 1995. P. 42; Carrasco, 1936. P. 29.

¹⁰¹ Pérez de Olaguer, 1937. P. 15.

¹⁰² Guardiola, 1939. P. 42.

¹⁰³ The Times. 23–24.07.1936; O'Donnell, 1937. P. 97–99, 151; Allison Peers, 1937. P. 258–259; Borkenau, 1937. P. 74.

¹⁰⁴ Pearse, 1936. P. 203–204.

ли «выражением эксплуатации»¹⁰⁵. Тот факт, что толпа не была движима личной выгодой, подтверждалось их пренебрежением к деньгам, которые они часто сжигали или выбрасывали. Также можно предположить, что толпа полностью давала отчет в своих действиях, поскольку 21 июля CNT запретила продажу алкоголя¹⁰⁶. Кроме того, есть свидетельства того, что судьба некоторых церквей решалась общинными собраниями¹⁰⁷. Как только было решено, что некоторые церкви должны быть защищены из-за их архитектурной ценности, были приняты меры, чтобы они не подверглись нападению и на стенах некоторых из них появились следующие слова: «Люди, это здание ваше, уважайте его»¹⁰⁸. Хотя многие религиозные здания подвергались нападению, лишь некоторые из них были полностью разрушены (в отчете республиканского правительства за 1937 год был сделан вывод, что только 13 из 236 церковных построек в Барселоне были разрушены)¹⁰⁹. Есть также свидетельства того, что революционные группы предприняли согласованные усилия для спасения предметов, представляющих художественную ценность, для оценки имущества церквей были созданы «Технические комиссии»¹¹⁰. Религиозное искусство, ранее не всегда доступное, стало выставляться в общественных музеях, а церковные библиотеки были переданы школам и другим образовательным центрам. Часть золота церквей была использована для финансирования республиканской военной кампании, церковные колокола переплавлялись для нужд оружейных заводов, но также были приняты меры по сохранению объектов, имевших культурную и историческую ценность¹¹¹.

Часто вторжение в церкви сопровождалось народными ритуалами сакрофобии. Во время антиклерикальных праздников рабочие надевали мантии и халаты, несли литургические предме-

¹⁰⁵ Camós i Cabecerón, 1983. P. 14.

¹⁰⁶ Carrasco, 1936. P. 15.

¹⁰⁷ O'Donnell, 1936. P. 704.

¹⁰⁸ Gríful, 1956. P. 33.

¹⁰⁹ Balcells, 2001. P. 202-209.

¹¹⁰ Langdon-Davis, 1936. P. 177-178.

¹¹¹ Balcells, 2001. P. 191.

ты в пародийных религиозных обрядах, изображавших мессы, церемонии и шествия. Все это вызывало большое веселье толпы, собравшейся, чтобы осуществить эти действия¹¹². Статуи были объектом насмешек, некоторые из них одевали в форму ополченцев, другие уничтожали, обезглавливали или даже расстреливали. Еще более жутким было осквернение могил. Мумифицированные трупы выставлялись возле церквей, чтобы люди могли изучать их или высмеивать, а черепа использовали для украшения или для игры в футбол. С 23 по 25 июля 1936 г. около 40 000 человек прошли мимо Церкви Энсеньянса на улице Араго, чтобы посмотреть на раскопанные и частично мумифицированные трупы священнослужителей¹¹³. В это же время была сделана попытка исключить все религиозные ссылки из повседневной жизни, включая замену прощания *adiós* на слово *salud*¹¹⁴.

Перераспределение церковной собственности имело рациональный характер и соответствовало плану по преодолению дефицита городской среды путем преобразования того, что антиклерикалы считали пространствами тьмы и обскурантизма, в пространства света и разума. Большая часть собственности церкви была экспроприирована местными революционными комитетами, союзами и политическими партиями, а затем использовалась для новых светских целей, таких как общественные центры, приюты для беженцев, склады, мастерские, центры вербовки ополченцев и т.п.¹¹⁵. Районные церкви превращались в кинотеатры, исповедальни использовались как газетные киоски, барахолки или автобусные остановки. Позже, в ходе гражданской войны, когда воздушные удары стали реальной угрозой для городского населения, церковные склепы начали использоваться как убежища¹¹⁶.

По мнению революционеров, «религиозная проблема» тре-

¹¹² O'Donnell, 1936. P. 701, 704-705.

¹¹³ Pérez de Olaguer, 1937. P. 18-21.

¹¹⁴ Orwell, 1938. P. 3.

¹¹⁵ Beriain Azqueta, s.f. P. 55; Solé i Sabaté, Villarroya i Font, 1989. Vol. 1. P. 102, 289; Balcells, 2001. P. 191.

¹¹⁶ Balcells, 2001. P. 202, 207, 209.

бовала решительных действий по «очищению» общества от «религиозной чумы» путем уничтожения Церкви как социального института¹¹⁷.

Таким образом, кажущиеся мелкими или мстительными акты осквернения (такие как насмешки над иконами и радикальное подрывание церковных ритуалов, на которых основывалась католическая практика), исходили из желания показать, что Церковь была покорена новой властью и что люди могут взять под контроль свою жизнь и уничтожить отчуждающую силу религии. Революционное иконоборчество было частью долгой истории народного богохульства, которое часто находило отклик в народе¹¹⁸. Точно так же сожжение церквей и другие подрывные действия, включенные в протестные действия рабочего класса Барселоны с 1830 года до самой гражданской войны, подпитывались светской либерально-пролетарской культурой, пропагандируемой республиканцами, социалистами и анархистами¹¹⁹.

Объясняющим фактором, который обычно упускается из виду при анализе антиклерикализма, является культурная среда рабочих¹²⁰. В общественном сознании Церковь, которая олицетворяла принципы, связанные с идеологией элиты и оправдывала положение вещей, призывая смиренно принять как божественную волю страдания, сопровождавшие социальное неравенство. Это была ненавистная структура угнетения, синоним реакции. Более того, как крупный землевладелец и коммерсант, Церковь была тесно связана с государством, городской и аграрной элитой¹²¹. Более того, многие рабочие непосредственно пережили «религиозные преследования»¹²² духовенства через такие учреждения, как школы, больницы, дома престарелых, детские дома и исправительные учреждения, в которых неэффе-

¹¹⁷ Carrasco, 1936. P. 13, 27; Solidaridad Obrera. 30.07.1936; 15.08.1936; 20.08.1936; La Batalla. 19.08.1936; La Vanguardia. 02.08.1936.

¹¹⁸ Delgado, 1992. P. 71-79.

¹¹⁹ Alvarez Junco, 1990. P. 397-414.

¹²⁰ Castro Alfin, 1997. P. 70.

¹²¹ Estivill, Barbat, 1977. P. 35.

¹²² Ranzato, 1988-1989. P. 195.

тивное государственное управление позволяло Церкви играть видную роль. Например, как уже отмечалось, Церковь участвовала в аресте проституток в Барселоне, управляя ненавистной Образцовой женской тюрьмой на улице Амалия¹²³. Там, как и в других учреждениях, духовенство утвердило ряд авторитарных практик, таких как принуждение пациентов в больницах к мессе, провоцирующей интуитивный антиклерикализм. Другие поводы для недовольства возникли из-за организации Церковью системы принудительного труда в домах престарелых и исправительных учреждениях, которая была совсем не благотворительной и провоцировала снижение уровня заработной платы. Один из пролетариев-активистов пояснял: «Что такое Церковь, всего лишь торговая сеть, которая занималась похоронами, крещениями, браками, больницами, образованием, ссудами, банками и барами»¹²⁴.

В других сферах повседневной жизни влияние революционного урбанизма было слабее. Культурные практики являются примером этого, поскольку они были далеки от создания автономной революционной культуры, скорее выражая тенденцию к демократизации буржуазной культуры и ее адаптации к новому революционному времени. Так, *Liceu*, барселонская опера на бульваре Лас-Рамблас, стала Каталонским народным театром. Доступ к «высокой культуре» также расширился благодаря серии музыкальных и театральных постановок и занятий, организованных по всему городу¹²⁵. Точно так же произведения искусства, ранее находившиеся в частных или церковных коллекциях, выставлялись на общее обозрение.

Есть и другие примеры городских практик и культурных традиций, адаптированных к новому революционному городу. После 9 августа 1936 г., когда вновь были открыты кинотеатры, до этого коллективизированные в Барселоне, недавно созданные Народная киноиндустрия и Управление информации и пропаганды, медиа-департамент CNT-FAI, попытались обеспечить показ определенного количества революционных филь-

¹²³ Estivill, Barbat, 1980. P. 219, 225.

¹²⁴ Цит. по: O'Donnell, 1937. P. 94.

¹²⁵ Caballé y Clos, 1939. P. 45, 47.

мов, несмотря на их меньшую популярность, по сравнению с коммерческими фильмами, мало отличавшимися от тех, что транслировались до революции.

К середине августа открылись театры и вскоре в городе возобновилась яркая ночная жизнь, с ночными ресторанами и барами¹²⁶. В сентябре начался новый футбольный сезон в Каталонии, а к концу октября вновь заработали коллективизированные профсоюзами эстрадные театры¹²⁷.

Сохранение некоторых городских ритуалов вызывало ужас среди кардинально настроенных революционеров, как и в случае корриды, которую анархисты-идеалисты считали признаком испанской отсталости, даже когда боям быков сообщались революционные цели (например, благотворительные акции, организованные в пользу антифашистских ополченцев). Сохранение других местных традиций, таких как сиеста и одержимость лотереей, потрясало иностранных революционеров¹²⁸.

Сексистские взгляды менялись медленно несмотря на то, что первая женщина-министр Испании, анархистка Фредерика Монтсени, гарантировала официальное равенство женщин и мужчин. Было немало препятствий на пути к полноценному участию женщин в общественной и политической жизни: кафе и бары оставались в основном пространством мужчин; даже днем женщины продолжали сталкиваться с сексуальными домогательствами в общественном транспорте и на улице, а многие молодые женщины продолжали выходить на улицу в сопровождении¹²⁹. Отчасти это отражало практику Народного фронта, который отложил глубокие социальные преобразования на неопределенный срок в будущем. Сохранялась приверженность традиционным мужским ценностям многих республиканцев. Так, показательно использование Женералитатом сексуализированных образов женщин для мобилизации мужчин в вооруженные формирования. Плакат о вербовке содержал избоб-

¹²⁶ Kaminski, 1976 [1937]. P. 42.

¹²⁷ Caballé y Clos, 1939. P. 41, 43, 48, 54, 62.

¹²⁸ Low y Brea, 1979 [1937]. P. 23, 25, 228.

¹²⁹ Miró, 1989. P. 195; Kaminski, 1976 [1937]. P. 61; Borkenau, 1937. P. 73; Low y Brea, 1979 [1937]. P. 61.

ражение женщины в тесном комбинезоне с лозунгом «Вы нужны ополчению!» и, по словам британского наблюдателя, представлял собой «наем Афродиты для облегчения работы Ареса, воспринимавшийся как удар ниже пояса»¹³⁰. Половая сегрегацию была заметна на митингах POUM и отражала уровень мачизма, преобладающий среди представителей этой партии, которые открыто высмеивали женщин-ополченцев¹³¹. Несмотря на все свои попытки порвать с культурой «старой Испании», у анархистов также не было проблем с включением женщин в антифашистскую борьбу в соответствии с традиционными гендерными функциями: «Женщина: изготавливает носки, шарфы и другие предметы теплой одежды для наших ополченцев, а *также* убивает фашистов»¹³². Неоднозначность проявилась в неспособности анархистского движения закрыть бордели Барселоны после июльской революции - цель, для достижения которой у них было достаточно власти. В то время как наиболее радикальные части анархистского движения настаивали на бессмысленности революции при сохранении проституции, другие анархисты, включая некоторых руководителей CNT-FAI, известными частыми визитами к проституткам, отстаивали важность отдушины для выплеска сексуальной энергии пролетариев и ополченцев. Подобный прагматизм преобладал среди представителей CNT-FAI и ополченцев, которые стояли в очередях у городских борделей¹³³.

Период с июля 1936 г. по май 1937 г. был этапом незавершенной революции, которая с самого начала имела множество проблем из-за отсутствия политической структуры, которая могла бы координировать военную кампанию и, в то же время, направлять революционный проект по преобразованию города. Несмотря на это, смена городских практик была настолько очевидна, а демонстрация силы рабочих в общественных местах настолько впечатляла, что сдерживание и подрыв революции в

¹³⁰ Langdon-Davies, 1936. P. 156.

¹³¹ Low y Brea, 1979 [1937]. P. 47, 181, 186-187.

¹³² Carrasco, 1936. P. 81.

¹³³ Ruta. 28.11.1936; Low y Brea, 1979 [1937]. P. 196-197.

городской среде оставались для многих незамеченными до весны 1937 года.

Однако те, кто бывал в Барселоне наездами, были наиболее чувствительны к постепенному размежеванию революционного города. Например, Седрик Салтер, профранкистский журналист *Daily Mail*, отмечал: «Барселона, в которую я вернулся, была другой. Я отсутствовал всего шесть месяцев, но страсть и огонь, кажется, в Каталонии погасли»¹³⁴. Те, кто симпатизировал революции, описывали эту тенденцию с большей точностью и чувством разочарования. Уже в сентябре 1936 г. Перет, прибывший в революционный город в начале предыдущего месяца, писал, после непродолжительного пребывания за пределами Барселоны: «Здесь все постепенно возвращается к более буржуазному порядку... революция остановилась»¹³⁵. В том же месяце Боркенау заявил, что «революционная лихорадка утихает»¹³⁶. Следовательно, в декабре 1936 года, когда Джордж Оруэлл прибыл в Барселону и, как известно, описал ее (хотя и ошибочно) как город, охваченный революцией «с рабочим классом у руля», троцкистка Мэри Лоу уже оплакивала «меняющийся облик» города: «растущее утверждение буржуазного стиля в одежде, отсутствие вооруженных женщин в комбинезонах и уменьшение силы революции»¹³⁷. Месяц спустя, в январе 1937 г., Боркенау снова указал на упадок революционного урбанизма: «На улицах больше нет баррикад; больше нет машин с революционными инициалами и груженных людьми в красных шарфах...; больше нет рабочих в штатском с винтовкой на плечах; на самом деле вооруженных людей очень мало...». Одновременно с кампанией PSUC против революционных комитетов и в пользу восстановления общественной среды среднего класса были вновь открыты отдельные рестораны: «мелкобуржуазный элемент, купцы, лавочники, профессионалы и другие в этом роде», они не только появились, но и оставили глубокий

¹³⁴ Salter, 1943. P. 134. См. также: Miró, 1989. P. 187.

¹³⁵ Péret, 1988. P. 184.

¹³⁶ Borkenau, 1937. P. 169.

¹³⁷ Low y Brea, 1979 [1937]. P. 212-229.

след в общей атмосфере ... »¹³⁸. С мая 1937 г. воссозданная республиканская власть распространила свое влияние в городе и подтвердила старые предпочтения в городских практиках¹³⁹. Республиканские власти теперь наказывали активистов, которые распространяли «нелегальные» брошюры и рисовали «нелегальные» граффити на стенах. Был выпущен запрет на размещение плакатов в общественных местах. *Ritz* вернул себе репутацию «лучшего отеля в городе»¹⁴⁰ и рабочая одежда полностью вышла из моды¹⁴¹. Автомобили и другие символы роскоши, включая эксклюзивные костюмы, возвращались все быстрее и заметнее¹⁴². Оруэлл, который отметил эту тенденцию и чье суждение теперь больше соответствовало реальности, писал через некоторое время на передовой: «В городе произошли большие изменения... нормальное разделение общества на богатых и бедных..., высший класс и низший класс, вернулось и нищие снова на улицах»¹⁴³. Однако это было только начало контрреволюционного городского проекта, который достигнет своего пика во время диктатуры Франко, и, хотя этот авторитарный проект был далеко не тотальным, он также смешивался с другими факторами, такими как экономические изменения и рост культуры потребления рабочего класса, способствовавшие разложению основ революционного городского проекта.

Библиография / References

- Adsuar J.E.* El Comitè Central de Milícies Antifeixistes // L'Avenç. N 14. 1979. P. 50-56.
- Allison Peers E.* Catalonia Infelix. London, 1937.
- Alvarez Junco J.* El Emperador del Paralelo. Lerroux y la demagogia populista. Madrid, 1990.
- Ametlla C.* Catalunya, paradís perdut (la guerra civil i la revolució

¹³⁸ Borkenau, 1937. P. 175.

¹³⁹ Caballé, 1939. P. 135.

¹⁴⁰ Salter, 1943. P. 232.

¹⁴¹ Louzon, 1938. P. 29.

¹⁴² Orwell, 1938. P. 146-149.

¹⁴³ Orwell, 1938. P. 147-148, 152.

- anarco-comunista). Barcelona, 1984.
- Balcells A.* El destí dels edificis eclesiàstics de Barcelona durant la guerra civil espanyola // Balcells A. (ed.). Violència social i poder polític. Sis estudis històrics sobre la Catalunya contemporània. Barcelona, 2001. P. 202-209.
- Benavides M.* Guerra y revolución en Cataluña. México, 1978.
- Beriain Azqueta D.* Prat de Llobregat, ayer: un pueblo sin estado, s.l., s.f.
- Borkenau F.* The Spanish Cockpit. An eyewitness account of the political and social conflicts of the Spanish Civil War. London, 1937.
- Bourdieu P.* In Other Words. Essays Towards a Reflexive Sociology. Cambridge, 1990.
- Bueso A.* Recuerdos de un cenetista. De la Segunda Republica al final de la guerra civil. Vol. 2. Barcelona, 1978.
- Caballé y Clos T.* Barcelona roja. Dietario de la revolución (julio 1936 – enero 1939). Barcelona, 1939.
- Camós i Cabecerón J.* Testimoniatges de Francesc Pedra i Marià Corominas. L'activitat política a l'Hospitalet de Llobregat (1923–46) // L'Avenç. N 60. 1983.
- Carrasco A.* Barcelona con el puño en alto! Estampas de la revolución. Barcelona, 1936.
- Casanovas i Codina J.* El testimoniatge d'un membre de les patrulles de control de Sants // La guerra i la revolucio a Catalunya. II Colloqui Internacional sobre la Guerra Civil Española (1936-1939). Barcelona, 1986. P. 51-59.
- Castells Durán A.* Les collectivitzacions a Barcelona, 1936-1939. Barcelona, 1993.
- Castells V.* Nacionalisme català i Guerra Civil a Catalunya (1936-1939). Barcelona, 2002.
- Castillo del J., Álvarez S.* Barcelona, objetivo cubierto. Barcelona, 1958.
- Castro Alfin D.* Cultura, política y cultura política en la violencia anticlerical // Cruz R., Pérez Ledesma M. (eds.). Cultura y movilización en la España contemporánea. Madrid, 1997.
- Cueva de la J.* Religious Persecution, Anticlerical Tradition and Revolution: On Atrocities against the Clergy during the Spanish

- Civil War // *Journal of Contemporary History*. N 33. 1998.
- Debord G., Kotányi A., Vaneigem R.* Aux poubelles de l'histoire. Paris, 1963.
- Delgado M.* La ira sagrada: anticlericalismo, iconoclastia y antirritualismo en la España contemporánea. Barcelona, 1992.
- Ealham Ch.* Class and the city: spatial memories of pleasure and danger in Barcelona, 1914-1923 // *Oral History*. N 29. 2001. P. 33-47.
- Ealham Ch.* La lluita pel carrer, els venedors ambulants durant la II República // *L'Avenç*. N230. 1998. P. 21-26.
- Ealham Ch.* La lucha por Barcelona: clase, cultura y conflicto, 1898-1937. Madrid, 2005.
- Ealham Ch.* The Spanish Revolution: 60 Years On // *Tesserae. Journal of Iberian and Latin American Studies*. N 2. 1996. P. 209-234.
- Estivill J., Barbat G.* Anticlericalisme populaire en Catalogne au début du siècle // *Social Compass*. N 28. 1980.
- Estivill J., Barbat G.* L'anticlericalisme en la revolta popular del 1909 // *L'Avenç*. N 2. 1977.
- Fentress J., Wickham Ch.* Social Memory. Oxford, 1992.
- Gibert Félix J.M.* Perfiles de esclavitud. Tríptico de la dominación rojo-atea. Barcelona, 1942.
- Gomis J.* Testigo de poca edad (1936-1943). Barcelona, 1968.
- Gregory W.* The Shallow Grave. A Memoir of the Spanish Civil War. London, 1986.
- Griful I.* A los veinte anos de aquello, julio-diciembre de 1936. Barcelona, 1956.
- Guardiola A.* Barcelona en poder del Soviet (el infierno rojo). Relato de un testigo. Barcelona, 1939.
- Horta G.* Cos i revolució. L'esperitisme català o les paradoxes de la modernitat. Barcelona, 2004.
- Kaminski H.* Los de Barcelona. Barcelona, 1976 [1937].
- Knoblaugh H.E.* Correspondent in Spain. London, 1937.
- La pregunta: una ciutat sense cotxes? // *Barcelona, metropolis mediterrània*. 1999. N 45. P. 8-12.
- Lacruz F.* El alzamiento, la revolución y el terror en Barcelona (19 julio 1936 - 26 enero 1939). Barcelona, 1943.

- Laird M.* A Diary of Revolution // The Atlantic Monthly. November 1936.
- Langdon-Davies J.* Behind the Spanish Barricades. New York, 1936.
- Lefebvre H.* Le droit à la ville. Paris, 1968.
- Leval G.* Collectives in the Spanish Revolution, London, 1975.
- Llarch J.* Los días rojinegros. Memorias de un niño obrero, 1936. Barcelona, 1975.
- López Sánchez P.* Un verano con mil julios y otras estaciones. Barcelona: de la Reforma Interior a la Revolución de Julio de 1909. Madrid, 1993.
- López-Picó J.M.* Dietari, 1929-1959. Barcelona, 1999.
- Lorenzo C.* Los anarquistas y el poder, 1868-1969. Paris, 1972.
- Louzon R.* La contra-revolución en España. Buenos Aires, 1938.
- Low M., Brea J.* Red Spanish Notebook. San Francisco, 1979 [1937].
- Marín D.* Clandestinos. El Maquis contra el franquismo, 1934-1975. Barcelona, 2002.
- McNair J.* Spanish Diary. Manchester, n.d.
- Miralles C., Oyón J.L.* De la casa a la fábrica. Movilidad obrera y transporte en la Barcelona de entreguerras, 1914-1939 // Oyón J.L. (ed.). Vida urbana en la Barcelona de entreguerras. Barcelona, 1998. P. 159-201.
- Miravittles J.* Gent que he conegut. Barcelona, 1980.
- Miró F.* Una vida intensa y revolucionaria. Juventud, amor, sueños y esperanzas, México, 1989.
- Monjo A., Vega C.* Els treballadors i la guerra civil. Història d'una indústria catalana collectivitzada. Barcelona, 1986.
- O'Donnell P.* An Irishman in Spain // The Nineteenth Century. December 1936.
- O'Donnell P.* Salud! An Irishman in Spain. London, 1937.
- Orwell G.* Homage to Catalonia. London, 1938.
- Palou Garí J.* Treinta y dos meses de esclavitud en la que fue zona roja de España. Barcelona, 1939.
- Payne S.* The Spanish Revolution. London, 1970.
- Paz A.* 19 de Juliol del "36" à Barcelona. Barcelona, 1988.
- Paz A.* Durruti, el proletariado en armas. Barcelona, 1978.

- Paz A.* Viaje al pasado (1936-1939). Barcelona, 1995.
- Pearse S.* Spain: The Truth // The Tablet. 15.08.1936.
- Peiró J.* Perill a la reraguarda. Mataró, 1936.
- Péret B.* Death to the Pigs: Selected Writings. London, 1988.
- Pérez de Olaguer A.* El terror rojo en Cataluña. Burgos, 1937.
- Pérez Ledesma M.* Estabilidad y conflicto social: España, de los íberos al 14-D. Madrid, 1990.
- Pi Sunyer C.* La República y la guerra. Memorias de un político catalán. México, 1975.
- Ranzato G.* Dies Irae. La persecuzione religiosa nella zona repubblicana durante la Guerra civile spagnola (1936-1939) // Movimento operaio e socialista. NN 2-3. 1988-1989.
- Roca F.* El Pla Macià. Barcelona, 1977.
- Roca F.* Política, economía y espacio. La política territorial en Cataluña (1936-1939). Barcelona, 1983.
- Roldán M.* Las colectivizaciones en Cataluña. Dos años y medio de destrucción de vidas y riqueza. Barcelona, 1940.
- Rubió i Tudurí N.* Pla de distribució en zones del territori català. Barcelona, 1932.
- Salter C.* Try-Out in Spain. New York, 1943.
- Sánchez J.M.* The Spanish Civil War as a Religious Tragedy. Notre Dame, Indiana: University of Notre Dame, 1987.
- Santacana i Torres C.* Victoriosos i derrotats: el franquisme a l'Hospitalet, 1939-1951. Barcelona, 1994.
- Sanz R.* El sindicalismo y la política. Los 'Solidarios' y 'Nosotros'. Toulouse, 1966.
- Seidman M.* Workers against Work. Labor in Paris and Barcelona during the Popular Fronts. Berkeley, 1991.
- Serra Pàmies J.* Fou una guerra contra tots (1936-1939). Barcelona, 1980.
- 'Schmit'. 5 meses con los rojos en Barcelona. Palma de Mallorca, 1937.
- Solé i Sabaté J.M., Villarroja i Font J.* La repressió a la reraguarda de Catalunya (1936-1939). 2 vols. Barcelona, 1989.
- Souchy A., Folgare P.* Colectivizaciones: la obra constructiva de la revolución española. Barcelona, 1977.
- Tilly Ch.* Afterword: Political Movements in Space and Time // Bo-

arin J. (ed.). *Remapping Memory. The Politics of TimeSpace*. Minneapolis, 1994. P. 241-256.

Tilly Ch. *The Contentious French*. Cambridge: Mass., 1986.

Ucelay da Cal E. *La Catalunya Populista. Imatge, cultura i política republicana (1931-1939)*. Barcelona, 1982.